

И. У. БУДОВНИЦ

Памятник ранней дворянской публицистики
(Моление Даниила Заточника)

В нашей ученой литературе Слово Даниила Заточника нередко называют памятником загадочным. И действительно, несмотря на то, что изучение этого памятника продолжается уже более ста лет, до сих пор ведутся споры, послужило ли поводом к написанию Слова действительное происшествие, или же описываемые в Слове злоключения автора, преследуемого, неустроенного и не находящего себе места в жизни, являются лишь литературным приемом, дающим возможность высказать определенные взгляды на жизнь и общественные отношения. До сих пор, далее, не ясен вопрос о самой личности автора: кто он был, к какой социальной среде принадлежал и взгляды какой общественной группы выражал; действительно ли Даниил — реально существовавшее лицо, действительно ли он был в заточении, или же это литературный псевдоним и за именем Даниила скрывается какое-то другое лицо.

Недавно В. М. Гуссов напечатал заметку под многообещающим заголовком „Историческая основа Моления Даниила Заточника“.¹ Автор считает, что „исторической основой“ второй редакции Моления Даниила Заточника является описанный в ростовской летописи пир в стане князей Юрия и Ярослава Всеволодовичей перед Липицкой битвой 1216 г. На этом пиру выступил какой-то боярин, предложивший князьям помириться с противниками, не вступая с ними в битву. Это и был, по мнению В. М. Гуссова, автор Моления, который своим выступлением навлек на себя гнев князя Ярослава (своего будущего адресата) и подвергся опале. Потому-то автор Моления, признавая, что он не храбр в бою, особенно подчеркивает свою мудрость, которую он противопоставляет „хоробрущим без ума“.

¹ Труды отдела древне-русской литературы Инст. лит. АН СССР, т. VII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 410—418.

Надо сказать, что никакими положительными данными нельзя доказать правильности построения В. М. Гуссова, которое остается в области догадок. Кроме того, все содержание и дух Слова Даниила Заточника обличают в его авторе не близкого к князю вельможу-боярина, а княжеского слугу более низкого ранга, дворянина. Наконец, у В. М. Гуссова речь, в сущности, идет о происшествии, послужившем поводом к написанию Моления, а вовсе не об „исторической основе“ этого публицистического памятника, выходящей за пределы незначительного инцидента на княжеском пиру.

Еще менее ясности — в вопросе об адресате послания Даниила Заточника. В группе списков, обычно относимых к старейшей редакции, Слово адресовано князю Ярославу Владимировичу, в котором некоторые исследователи видят правнука Владимира Мономаха — Ярослава Владимировича, княжившего в Новгороде с 1182 по 1199 г. Однако этот же Ярослав в некоторых списках называется сыном „царя Владимира“, что дало повод другим исследователям видеть в нем сына Владимира Мономаха Юрия Долгорукого или же другого сына Мономаха — Андрея Владимировича Доброго.

В зависимости от личности адресата естественно возникает спор и о датировке Слова.

Другая группа списков, относимая большинством (но далеко не всеми!) исследователей к более поздней (2-й) редакции, адресована князю Ярославу Всеволодовичу. В отношении личности этого князя споров как-будто нет — это сын Всеволода Большое Гнездо, княживший сперва в Переяславле Суздальском, а впоследствии, после татарского погрома, получивший от Батыея „старейшинство“ над всеми русскими князьями. Но до Переяславля Суздальского Ярослав Всеволодович владел еще Переяславлем Южным, и в связи с этим среди исследователей имеются некоторые расхождения в отношении датировки указанной группы списков.

Первооригинал Слова Даниила Заточника до нас не дошел. Имеющиеся в нашем распоряжении списки подразделяются на две основные редакции. Одну из них, обычно называемую Словом Даниила Заточника, большинство исследователей относят к XII в., другую („Моление Даниила Заточника“), с надписанием Ярослава Всеволодовича — к XIII в.¹ Однако вопрос о соотношении обеих редакций до настоящего времени еще окончательно не решен: ряд исследователей из обеих указанных редакций считают более древней именно редакцию XIII в. („Моление“). Разрешение вопроса затрудняется тем, что все рукописи обеих редакций дошли до нас в списках XVII в., т. е. отделены от своего оригинала на 400—500 лет и содержат позднейшие напластования, мешающие точности исследования. Недавно в спор включился один из круп-

¹ Обе редакции, в свою очередь, вызвали дальнейшие переделки, которых мы здесь касаться не будем.

нейших наших лингвистов, акад. С. П. Обнорский, изучивший обе редакции памятника с точки зрения их языка. В результате С. П. Обнорский пришел к выводу, что язык как первой, так и второй редакции „может быть охарактеризован как нормальный русский литературный язык старшего периода, он смыкается по своим чертам с языком таких наших оригинальных памятников, отражающих старый строй языка, как Русская правда, творения Владимира Мономаха и другие“. Однако „система старого строя языка, широко отражающаяся в памятнике, не в одинаковой степени, не с одинаковой цельностью проявляется в тексте одной и другой его редакции. Бóльшая, в отдельных пунктах абсолютная, выдержанность норм старого литературного языка наблюдается в тексте первой редакции, меньшая выдержанность, большее количество нарушений системы принадлежат второй редакции памятника“. Таким образом, „в разрешении вопроса о старейшинстве по происхождению одной или другой редакции памятника по данным языка следует утверждать первоначальность образования памятника в так называемой первой редакции, признавая во второй редакции позднейшую переработку основного текста, т. е. первой редакции памятника“. Устанавливая близость языка памятника, особенно Академического списка (основного списка первой редакции) с языком произведений Владимира Мономаха, С. П. Обнорский считает, что „пора сложения памятника сравнительно не далеко отстояла от времени деятельности Мономаха (1053—1125)“ и относит первооригинал Слова Даниила Заточника к середине XII в. В отношении датировки второй редакции С. П. Обнорский приходит к несколько неожиданному выводу, относя время ее составления к концу XIII или к XIV в.¹

Содержание Слова Даниила Заточника по обеим редакциям сводится к мольбе, чтобы князь, к которому адресовано послание, спас автора от нищеты и извлек его из того жалкого состояния, в которое он, человек разумный и начитанный, незаслуженно попал. Мольба эта выражается в отдельных притчах, частью извлеченных из литературных памятников, частью оригинальных. Представляя собой самостоятельные афоризмы на тему о различных политических и житейских отношениях, все притчи связаны между собой общей идеей послания. В Молении, т. е. редакции XIII в., связь между отдельными притчами и пословицами выступает явственнее, чем в Слове (редакции XII в.), которое носит более отрывочный характер, что и дало повод многим исследователям считать Слово более поздней, более отдаленной от первооригинала и испорченной редакцией. В. М. Гуссов, вслед за Е. Е. Голубинским, считает даже первую редакцию „нескладной болтовней“,²

¹ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, М.—Л., 1946, стр. 126—130.

² В. М. Гуссов. К вопросу о редакциях Моления Даниила Заточника. Летоп. ист.-филол. общ. при Новоросс. ун-в., т. VIII, Одесса, 1900, стр. 5.

но это неверно, ибо Слово построено примерно по тому же плану, что и Моление, — в довольно ясной форме излагая те обстоятельства, которые заставили автора обратиться к князю, и те соображения, по которым князь должен бы обращенную к нему просьбу удовлетворить.

Даниил пишет князю (передаю содержание послания по Молению), что он бежал „от лица скудости своей“, потому что нищета покрыла его, как Черное море фараона. Он всеми обидим подобно стоящему при дороге сухому дереву, которое все мимоходящие секут. Друзья и близкие отвернулись от него, поскольку он не может уже поставить „пред ними трапезы, многообразными брашны украшены“.¹ Друзья хороши, пока угощаются, а при напастях обретаются хуже врагов. По горькому опыту Даниил приходит к убеждению, что нельзя рассчитывать на братьев и друзей: „Аще ли что имею, — поживут со мною; аще ли не имею, то скоро отлучатся от мене“.² Одна надежда — на князя, который украшает своей милостию людей, как весна украшает землю цветами. Расточая по адресу князя многочисленные похвалы, призывая его оказать ему милость, согреть и приютить, Даниил со своей стороны уверяет, что и он сможет быть полезен князю. Не будучи храбр на рати, он зато разумен и смышлен. Правда, он не в Афинах рос и не от философов учился, но он зато подобен пчеле, припадающей к цветам, „избирая сладость словесную и совокупляя мудрость, яко в мех воду морскую“.³ И если бы князь принял его в число своих советников, если бы он поставил „сосуд сердечный под потоком языка“ его, то автор накапал бы ему „сладости словесныя паче вод арапатских“.⁴

Автор послания предусматривает возможные возражения со стороны князя. Последний может просто заявить, что Даниил солгал, как тать. Но Даниил сохранил достоинство мужа и на татьбу не способен. „Аще бы умел украсти, — пишет он, — то селико бых к тебе не скорбел. Девка погубляет свою красоту бляднею, а муж свою честь татбою“.⁵ „Или речеши, княже, — пишет в другом месте Даниил, — солгал есми аки пес. То добра пса князи и бояре любят“.⁶

Автор перебирает далее другие возможные выходы из своего тяжелого положения. Он бы мог, например, „жениться у богатого тестя“, есть и пить у него. Но это значило бы ввести в дом злую, безобразную, отвратительную жену („жену злообразну, кривозороку, подобна черту, ртасту, челюстасту, злоязычну“)⁷ и еще находиться у нее в подчинении.

¹ Памятники древне-русской литературы, вып. 3, изд. АН СССР. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам, подготовил к печати Н. Н. Зарубин, Л., 1932, стр. 61.

² Там же, стр. 62.

³ Там же, стр. 59.

⁴ Там же, стр. 64.

⁵ Там же, стр. 68.

⁶ Там же, стр. 73.

⁷ Там же, стр. 69.

Даниил приводит при этом одну из „мирских притч“ (к которым он вообще часто обращается): „ни птица во птицах сычь, ни в зверех зверь еж, ни рыба в рыбах рак, ни скот в скотех коза, ни холоп в холопех хто у холопа работает, ни муж в мужех, кто жены слушает“.¹

Есть и другая возможность как-то устроиться и избежать нищеты — постричься в чернецы. Но поступить в монастырь, не имея к этому настоящего призвания, это значило бы солгать перед богом. За этим следует выразительное осуждение праздношатающихся монахов, облачающихся в „ангельский образ“ единственно для того, чтобы хорошо пожить, сладко пить и есть: „Мнози бо, отшедше мира сего во иноческа, и паки возвращаются на мирское житие, аки пес на своя блевотины, и на мирское гонение; обидят села и дома славных мира сего, яко пси ласкосердии. Иде же брацы и пирове, ту черньцы и черницы и беззаконие: ангелский имея на себе образ, а блядной нрав; святительский имея на себе сан, а обычаем похабен“.²

Заканчивается послание молитвой к богу, чтобы он укрепил силу князя и утвердил его людей, чтобы он не дал в полон землю нашу иноплеменикам, чтобы он дал людям князя силу Самсона, храбрость Александра, целомудрие Иосифа, мудрость Соломона, кротость Давида. „Умножи люди своя, — говорится в заключительных словах, обращенных к князю, — во веки под державою твоею, да тя славит вся страна и всяко дыхание человече“.³

Таково в общих чертах содержание и Слова, и Моления, хотя второй редактор значительно переработал предыдущий текст, усилив и выделив те основные идеи, которые были уже заложены в первой редакции. Что же это за идеи, интересы какой социальной среды они выражают, какова общественная значимость всего памятника в целом?

Вопрос о социальной среде, к которой принадлежал Даниил Заточник, неоднократно рассматривался в нашей ученой литературе, но преимущественно в плане литературоведческом, с целью уточнить и приумножить те скудные биографические данные, которые можно извлечь об авторе Слова из самого памятника. Относя Даниила Заточ-

¹ Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 69.

² Там же, стр. 70. Против таких монахов восставали и горожане, которым претил их паразитизм, и сама церковь, не желавшая кормить ненужных ей людей. Это нашло отражение в целом ряде памятников. В Измарагде Соловецкой библиотеки (№ 270), написанном в конце XV—нач. XVI в., имеется специальное Слово, направленное против тех людей, которые, желая избавиться от тягот житейских, уходят от своих семейств в монастырь. „Аще ли кто нищеты ради, — говорится в Слове, — отходит в монастырь или детей не могый кормити, отбегает их не мога печаловатися ими, то уже не божия дея любве отходит таковый, ни потрудитися богу хошет, но чреву си угодие творит. Отбегая порожения своего (бросая детей. — И. Б.), таковый веры ся отмошет и есть поганого горши“ (Православный собеседник, 1858, декабрь, стр. 512).

³ Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 73.

ника к той или иной социальной категории, многие историки литературы этим ограничиваются и не задаются уже вопросом о том, насколько автор в своем Слове отразил интересы и настроения данной социальной категории. Первым, кто попытался рассмотреть Слово Даниила Заточника на широком фоне русской жизни и вникнуть в его общественный смысл, был В. Г. Белинский. Белинский считал главным достоинством Слова Даниила Заточника — образца „практической философии и ученого красноречия XIV века“, — то, „что оно так и дышет духом своего времени“. „Кто бы ни был Даниил Заточник, — пишет В. Г. Белинский, — можно заключить не без основания, что это была одна из тех личностей, которые, на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают, и, не умея прятать от людей свое превосходство, оскорбляют самолюбивую посредственность; *которых сердце болит и снедается ревностью по делам, чуждым им, которые говорят там, где лучше было бы молчать, и молчат там, где выгодно говорить; словом, одна из тех личностей, которые люди сперва хвалят и холят, потом сживают ее со свету и, наконец уморивши, снова начинают хвалить...*“¹

Разбравший Слово спустя несколько лет С. П. Шевырев уже отказался уловить в нашем памятнике какие-то общественные мотивы и рассматривал его только как произведение „в роде веселом и забавном“. „В Слове Даниила Заточника, — пишет С. П. Шевырев, — в первый раз обнаруживается, как в малом зародыше, малороссийский юмор, — это особенное свойство наших южных русинов, возведенное на высшую степень художественности современным поэтом (имеется в виду Гоголь. — *И. Б.*) — это чудное слияние плачущего смеха и улыбающейся грусти, которые находят примирение в светлоразумной мысли, выливающейся в самую простую народную форму — русской пословицы или соломоновой притчи“²

Ф. И. Буслаев считал Даниила сыном княжеской рабыни, вероятно дворянином, удаленным от князя.³ Но об общественном значении памятника Ф. И. Буслаев говорит весьма расплывчато, не связывая его с интересами дворян или холопов. По словам Ф. И. Буслаева, „сатирические выходки“ Слова Даниила Заточника направлены „против лиц, которым следовало бы быть передовыми в умственном и нравственном развитии древней Руси, именно против бояр, княжих тиунов, против злоупотреблений монастырских и т. п.“

¹ В. Г. Белинский. Русская народная поэзия. Отеч. зап., 1841, т. XIX, № 11, отд. „Критика“, стр. 19 и 20.

² С. Шевырев. История русской словесности, т. 1, ч. II, М., 1846, стр. 210 и 213.

³ Ф. И. Буслаев. О народности в древне-русской литературе и искусстве. — „Исторические очерки русской народной словесности и искусства“, т. II, СПб., 1861, стр. 94 (впервые напечатано в „Русской беседе“, 1857, т. X, № 15).

Следующий по времени исследователь, О. Ф. Миллер, вообще отказывает первоначальному Слову Даниила Заточника в общественной значимости. Во-первых, по мнению О. Ф. Миллера, в Слове нет ничего или почти ничего самобытного русского, кроме нескольких народных пословиц. Кроме того, являясь челобитьем частного лица, оно имеет „в виду только насущный интерес этого лица“. Сделавшись из частного делового письма литературным произведением, Слово стало переделываться, дополняться и отражать в себе те перемены, которые происходили в русском обществе. Эти перемены особенно выпукло сказались уже в редакции XIII в. (Моление, Послание Даниила Заточника). Похвалы князю, раньше отличавшиеся искренностью и независимостью, отныне приобретают угоднический характер. Автор послания начинает называть себя рабом князя и сыном его рабыни. „Большой должен был совершиться переворот в понятиях, — пишет О. Ф. Миллер, — если можно было надеяться расположить к себе князя — сравнением его со змеем свистящим и львом рыкающим... С другой стороны, прежнего рода жалоб на сильных в редакции XIII в. уж нет: напротив, вместо прежнего: «не удерживай золота, а раздай людям», тут мы читаем: «раздавай сильным», т. е. тем, которые и без того уже имеют немало. Вероятно, — приходит к заключению О. Ф. Миллер, — переделавший Слово потому так заботится о сильных, что и себя причисляет к ним“.¹

Оспаривая это мнение О. Ф. Миллера, Е. Модестов считал, что „в редакции XIII века жалобы на сильных остаются почти те же, что и в редакции XII в.“. Кроме того, выражения „раздай людям“ и „раздай сильным“ „означают одно и то же, так как слово «люди» означало дружину, а дружинники, даже низшие, в сравнении с земскими людьми, справедливо могли называться сильными, в смысле хорошо владеющих оружием, храбрых, отважных“. По мнению Е. Модестова, автор Слова Даниила Заточника являлся членом младшей княжеской дружины, который мог себе позволить выпады против высших представителей княжеского управления. Этот памятник следует рассматривать не как личное послание, преследующее ограниченные цели автора, а скорее как поучение для князя. „Какой-то дружинник хотел дать наставления князю, хотел высказать ему свои взгляды на некоторые предметы и, главным образом, указать князю, как он должен относиться к дружине“. В таком виде послание неоднократно переделывалось, причем каждый редактор ставил в последнем имя современного ему князя и к нему приспособлял все содержание произведения. В качестве поучения, приходит к заключению Е. Модестов, памятник „не только выражает личные взгляды и вкусы какого-то грамотея XII века, находившегося притом в совершенно исключительном положении (ибо

¹ О. Ф. Миллер. Опыт исторического обзора русской словесности, 2-е изд. ч. 1, вып. 1. СПб., 1865, стр. 374 и 375.

взгляды человека, страдающего в заточении, едва ли могут отличаться беспристрастием и спокойствием), — нет, на послание Даниила должно смотреть как на выражение взглядов и убеждений, господствовавших в XII и XIII вв. среди княжеской дружины, по крайней мере, среди наиболее передовых ее членов“.¹

Взгляды Е. Модестова на Слово Даниила Заточника в методологическом отношении явились шагом вперед по сравнению с высказываниями предыдущих исследователей. Подобно своим предшественникам, и Е. Модестов интересуется общественным положением автора Слова Даниила Заточника, однако этот вопрос занимает его не для того только, чтобы уточнить биографические данные о попавшем в беду несчастном Заточнике, в реальное существование которого он не верит, а для того, чтобы понять сущность высказанных в памятнике взглядов. Последние Е. Модестов приурочивает к определенной среде и определенному времени, хотя сами эти взгляды в его изложении носят расплывчатый характер.

И. А. Шляпкин, издавший в 1889 г. Слово Даниила Заточника по всем известным в то время спискам, не пошел по пути Е. Модестова и в своей вводной статье к изданию памятника трактует его как всеобъемлющее произведение, которое на протяжении пяти веков отражало протесты русского человека против любых жизненных неурядиц — от крепостного права до семейных неприятностей! „Личность Даниила, — пишет И. А. Шляпкин, — врезалась в народную память, и к ней приросла любовь русского народа: говорю народа, ибо духовенству не могло нравиться то уже совсем не смиренное отношение к жизни, то начало протеста, которым насквозь проникнуто все Слово. Слово целиком направлено против всего, что тяготило русского человека в продолжение пяти веков, с XII по XVII в.: тут выходы против корыстных и злых рядовичей и думцев, против несмысленных богачей, против семейной кары — жены злообразной, против лицемерия, против крепостного права и проч. Все это дает нашему слову большую цену и высоко ставит его в ряду памятников, освещающих историю развития нашего народного самосознания в былое время“.²

В. А. Келтуяла с позиций экономического материализма (от которого, впрочем, он сам всячески отрецивался) рассматривал Даниила Заточника как жертву „бояр-капиталистов“ и излагал такие подробности из его биографии, на которые в самом памятнике даже намек нет. В представлении В. А. Келтуяла Даниил — молодой дворянин, „сын зажиточных родителей, очень образованный и начитанный для своего времени, т. е. для первой половины XIII в. Провинившись в чем-то пред своими родителями (вероятно, слишком отдавался чтению

¹ Е. Модестов. О послании Даниила Заточника. ЖМНП, 1880, ноябрь, стр. 178, 182—184.

² Памятники древней письменности и искусства, вып. 81. СПб., 1889, стр. 6.

книг), Даниил лишился материальной поддержки с их стороны и очутился в бедственном положении. Некоторое время Даниил проводил на службе у бояр-капиталистов. Тяжесть труда и унижительное положение трудящегося у бояр вынудили Даниила покинуть службу. Ища выхода из своего положения, Даниил решился, наконец, обратиться к переяславльскому князю Ярославу Всеволодовичу (1213—1236)... с просьбой взять его себе на службу". Это и есть Моление. Слово же Даниила Заточника, по мнению В. А. Келтуялы (в этом отношении он следует за Ф. И. Буслаевым и другими исследователями), есть позднейшая переделка Моления, в которой подчас отсутствует связь между излагаемыми мыслями.¹ Несмотря на наличие в построении В. А. Келтуялы „бояр-капиталистов“, он в сущности снижает общественное значение памятника, сводя его к личной просьбе дворянина, повздорившего из-за любви к чтению с родителями и не сумевшего хорошо устроиться „на службе“, и к неловкой переделке его „прощения“.

В заключение обзора дореволюционной литературы об интересующем нас памятнике, отметим мнение П. П. Миндалева, автора капитального исследования о Слове Даниила Заточника. Анализ текста и источников приводит П. П. Миндалева к убеждению, что Моление Даниила Заточника в его первоначальном виде не сохранилось и не дошло до нас ни в одном из существующих списков. Ближе к нему так называемая редакция XII в. „Судя по тому, — отмечает П. Миндалев, — как настойчиво автор говорит о том, что князь многими людьми честен и славен по всем странам, и что нашим иманием твоего (князя) дому не истощити, так как князь богат не золотом, а множеством воя, надо думать, что средой, в которой сложилось Моление (т. е. в данном случае редакция XII в. — И. Б.), была дружина, носителем идеалов которой оно и является: князь, с одной стороны, заступник сирых и вдовиц, с другой — отец слугам своим, но слуги его это не домочадцы, о которых говорят списки так называемого извода XIII столетия... а его думцы“, к которым принадлежал Даниил. В дальнейшей переработке XII в. „тон Моления меняется, и, повидимому, оно сложилось уже не в дружине, а в иной среде. Еще упоминается обычная милость князя, его защита сирых и худых от богатых; князь также щедр и, не дорожа златом, собирает вокруг себя храбрых и оживляет всех своею милостью; но он уже сравнивается с рыкающим львом, слово его гроза для всех, и для обрисовки его красоты автор приводит целый ряд цитат из Песни песней, не зная меры и раболепствуя, как холоп, которому не избыть укору своего холопья имени, и который сознает, несмотря на то, в себе человека. Автор раб князя, сын его рабыни, его домочадец, а не дружинник“. Если же в Молении остаются

¹ В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. 1, кн. 1. Изд. 2-е, СПб., 1913, стр. 781—782.

некоторые несвойственные ему черты дружинника (например сентенция, что золотом не добыть добрых мужей, а мужами можно добыть золота, серебра и городов) и дворянина („всякому дворянину тем имети честь и милость у князя“), то объясняется это тем, что автор редакции XIII в. переделал Слово Даниила, „волнуясь и спеша“, забывая подчас при переработке откинуть чуждые ей черты.¹

В советские годы Академией Наук СССР было предпринято новое издание Слова Даниила Заточника по обеим редакциям и их переделкам с воспроизведением всех накопившихся ко времени издания (1932 г.) списков. В своей вводной статье к изданию Н. Н. Зарубин, касаясь идейного содержания памятника, ограничивается повторением приведенной выше оценки Слова, данной еще И. А. Шляпкиным в 1889 г.²

Издание Н. Н. Зарубина вызвало ряд откликов, и в их числе статью Н. К. Гудзия, посвященную вопросу о социальной среде, к которой принадлежал Даниил Заточник. В своем построении Н. К. Гудзий исходит из замечаний А. П. Щапова о Слове Даниила Заточника, мимоходом оброненных им в речи, произнесенной на торжественном заседании Казанской духовной академии в 1859 г. и выпущенной затем отдельной брошюрой под названием: „Голос древней русской церкви об улучшении быта несвободных людей“. „Так доносится до нас, — писал в этой брошюре А. П. Щапов, — вековой горький плач жалкого заточника — несчастного холопа...; слышится плачевный голос Даниила Заточника, разнесшийся по всей древней России, с сочувствием повторяемый всем русским народом в древнее время... Какая-то горькая насмешка, что-то вроде сатирического озлобления слышится в голосе заточника, когда он вспоминает состояние холопа. Он лучше хочет всего себя предать главе, верховному властителю — князю, лучше хочет отказаться от всех материальных благ в доме своего порабощателя боярина, чем жить без отрадного живительного внутреннего чувства нравственной свободы“.³

Н. К. Гудзий конкретизирует это чувство, изображенное у А. П. Щапова слишком отвлеченно: „Даниил — боярский холоп, горестно переносящий свою холопскую службу у какого-то немилостивого боярина. Он просится в холопы к князю в надежде выслужиться у него и со временем стать его свободным дружинником“.⁴ Здесь, конечно, возникает вопрос, каким образом холоп мог надеяться стать советником у князя. В связи с этим Н. К. Гудзий указывает, что в древней Руси холоп „был субъектом публичных прав и публичноправовых дей-

¹ П. Ми н д а л е в. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1914, стр. 340—345.

² Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 1.

³ А. П. Щ а п о в, Соч., т. 1, СПб., 1906, стр. 3—4.

⁴ Н. К. Г у д з и й. К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник? Сб. ст. к 40-летию уч. деят. акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 482.

ствий. Часто холопам поручались в заведывание отдельные отрасли хозяйства: это были ключники и тиуны сельские, ратайные, огнищные, конюшие и проч. Они являлись самыми приближенными людьми своих господ, в том числе и князя, и им поручались обязанности в области суда и финансов“. Более того, в древней Руси, по словам Н. К. Гудзия, смерд и холоп могли якобы проникнуть даже в боярскую среду. „Такие перспективы, — замечает Н. К. Гудзий, — открывавшиеся для холопа, и давали, видимо, Даниилу импульс для тех притязаний, с которыми он адресовался к Ярославу Всеволодовичу“.¹ Но если смотреть на памятник с такой точки зрения, то он как раз лишается своих холопских черт, ибо изобразить холопа, выполняющего обязанности в области суда и финансов, холопа, пробирающегося в боярскую среду, выразителем интересов рядовой массы холопов, — это все равно, например, что изобразить выразителем настроений крепостного крестьянства фабриканта Морозова, не успевшего еще выкупиться на волю у графа Шереметева.

Как бы полемизируя с Н. К. Гудзием, новейший исследователь, касавшийся вопроса о Данииле Заточнике, — Б. А. Романов утверждает, что „сказать про Заточника... что он холоп — это значит не уловить основной характеристики ни в нем самом, ни в исторической обстановке“. Сам Б. А. Романов рассматривает Даниила Заточника как представителя господствующего класса, но принадлежащего к его социально неустойчивой, подвергнутой всяким случайностям, прослойке. Он является „кандидатом в любое общественное положение, куда приводит его игра случая“: „Заточник — сын жестокой эпохи, полной не только войн, но и гражданских тревог классовой борьбы, одновременно субъект и жертва процесса классового образования в феодальном обществе“. Б. А. Романов даже специальный термин придумал („заточничество“) для социального состояния „человека, оторвавшегося от своего общественного стандарта и перебирающегося в мыслях возможный выход из создавшегося для него трудного положения“. Это состояние прекратится, как только Заточник пристанет к какому-нибудь берегу, а его положение вполне определится и потеряет свою неопределенность и расплывчатость. „В тот момент, когда какой-нибудь заточник добросовестно примет от жизни свою этикетку и застынет в соответствующей ей позе, он перестанет быть заточником“.²

Пытаясь определить социальное положение автора Слова Даниила Заточника, ни дореволюционные, ни советские исследователи не задались в то же время вопросом, интересы и общественные настроения какого класса или классовой группы отражал и защищал в своем послании Даниил Заточник. Ф. И. Буслаев, например, считая, автора Слова дворянином, рассматривал его произведение не с точки зрения

¹ Н. К. Гудзий, ук. статья, стр. 483—484.

² Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси, Л., 1947, стр. 11, 17, 284.

интересов и умонастроений той социальной среды, к которой он относил Даниила Заточника, а как отвлеченный, классово-безличный документ, свидетельствующий о „печальном разладе между идеалом и действительностью“.¹ Н. К. Гудзий, рассматривая Даниила Заточника как боярского холопа, вовсе не ищет в его творчестве таких мотивов, которые были бы характерны для настроений всей холопией массы. В трактовке Н. К. Гудзием Даниил горестно переносит свою холопскую службу у какого-то немилостивого боярина. Он стремится попасть на службу к князю, чтобы со временем стать его свободным дружинником и тем самым высоко подняться над массой холопов, к числу которых он сам принадлежит. Из этого как будто можно сделать вывод, что какую бы сентенцию Даниил ни изрекал, он не выявляет нам настроений холопов, ибо, стремясь стать отщепенцем этой классовой группы, он не может рассматриваться как выразитель ее чаяний и дум. Получается странное и парадоксальное положение: исследователи, затратившие немало усилий для определения социальной среды, из которой вышел Даниил Заточник, предпринимают свои изыскания как бы специально для того, чтобы нашего автора тут же от этой среды оторвать.

Мне кажется, что содержание самого памятника дает достаточно материала для того, чтобы определить, какие общественные интересы он отражает и какое место, в связи с этим, он занимает в истории русской общественной мысли.

Если отбросить в сторону рассыпанные в Слове Даниила Заточника различные житейские афоризмы, среди которых главное место занимают выпады против злых жен, и обратиться только к его высказываниям, имеющим широкий общественный и политический интерес, то нетрудно убедиться, что в основе всего памятника как в первой, так и во второй редакции — лежит идея сильной княжеской власти. Князь — центральная фигура памятника: к князю обращены взоры не только автора послания, но вообще всех подданных, он их опора и надежда, их защитник от бед и напастей. Сравнивая себя с „травой блещеной“, на которую ни солнце не сияет, ни дождь не идет, или с придорожным сухим деревом, которое „мнози... посекают... и на

¹ „Очень замечательно, — пишет Ф. И. Буслаев, — что по преимуществу народным в древней Руси сделалось такое произведение, которое как в своем содержании, так и в лице автора представляет печальный разлад между идеалом и действительностью, между симпатичною личностью автора и жалкою его судьбою. Недовольство действительностью, желание выйти из безотрадного положения, горькая насмешка над человеческим достоинством, никем не признанным, смелый протест против бессмысленного оскорбления, наносимого нежнейшим, благороднейшим и самым возвышенным чувством человека, каковы семейная любовь и благочестие, — вот основные темы жалоб Заточника. Не здесь ли, не в этих ли вопиющих жалобах на разложение древне-русской жизни надобно видеть причину той симпатии, какую питали старые грамотники к слову Заточника?“ (Ф. И. Буслаев. О народности в древнерусской литературе и искусстве. Ист. очерки русск. нар. слов. и иск., т. II, стр. 94).

огнь мечють“, жалуясь на то, что все его обижают, Даниил Заточник видит защиту только в князе, который, „ако оградом твердым“ (по второй редакции или „плодом твердым“ — по первой), может оградить его страхом „грозы своей“.¹ Князь всех, особенно вдов и сирот, избавляет от горести и печали. Как солнце, он согревает всех людей своей милостью.² Князь — источник богатства и славы своих подданных.³ Широкой рукой он раздает людям золото и серебро, и казна его не истощается. Автор призывает его и впредь проявлять такую великодушную щедрость: „Да не будет, княже мой, господине, рука твоя согбена на подание убогих: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашим иманием твоего дому истощити“.⁴ Подобно тому, как дорогая ткань „испестрена многими шолкы и красно лице являет“, так и князь „многими людми честен и славен по всем странам“.⁵ Князь — единственный и настоящий глава своих людей, только им и держится город: „Дивна за буяном кони паствити, тако и за добрым князем воевати. Многожды безнарядием полци погибають. Видих: велик зверь, а главы не имеет; тако и многи полки без добра князя“.⁶ „Гусли бо страются персты, — говорится в другом изречении, — а тело основается жилами; дуб крепок множеством корения; тако и град нашъ твоею дръжавою“.⁷ Из всего этого (особенно во второй редакции) вытекает гиперболический образ князя, источающего вокруг обильные блага: „Княже мой, господине! Яви ми зрак лица твоего, яко глас твой сладок, и уста твоя мед истачают, и образ твой красен; послания твоя яко рай с пло-

¹ Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 7, 12, 54, 55.

² Эта мысль настойчиво проводится как в первой, так и во второй редакции. „Птица бо радуется весни, — читаем в Академическом списке („Слова“), — а младенецъ матери; весна украшаетъ цветы землю, а ты оживляеши вся человеки милостию своею, сироты и вдовици, от велможь погружаемы“ (там же, стр. 14).

„Весна украшаетъ землю цветы, — читаем в Чудовском списке (Моления), — а ты нас, княже, украшаеши милостию своею“ (там же, стр. 60). Или: „Вси бо притекают к тебе и обретают от печали избавление; сироты, худые, от богатых потопляеми, аки к заступнику теплomu, к тебе прибегают. Птенцы радуются под крылома матери своей, а мы веселимся под державою твоею“ (там же, стр. 63).

³ „Земля плод дает обилия, древесна оwoшь; а ты нам, княже, богатство и славу“ (там же, стр. 63).

⁴ Там же, стр. 15, 16 (Акад. сп.). — В Чудовском списке это место читается: „Ни моря уполовнюкы вычерпать, ни нашим иманием дому твоего истощити“ (там же, стр. 67).

⁵ Там же, стр. 16, 17.

⁶ Там же, стр. 18, 19.

⁷ Там же, стр. 19. — Во второй редакции этому изречению соответствует следующее: „Княже мой, господине! Яко же дуб крепится множеством корения, тако и град нашъ твоею державою. Княже мой, господине! Кораблю глава кормник, а ты, княже, людем своим. Видех полци без добра князя и рекох: велик зверь, а главы не имеет. Женам глава муж, а мужем князь, а князем бог“ (там же, стр. 59); „Тело крепится жилами, а мы, княже, твоею державою... Гусли строятся персты, а град нашъ твоею державою“ (там же, стр. 66).

дом; руже твои исполнены яко от злата аравийска; ланиты твоя яко сосуд араматы; гортан твой яко крин, капля миро, милость твою; вид твой яко ливан избран; очи твои яко источник воды живы; чрево твое яко стог пшеничен, иже многи напитая“.¹

Итак, в обеих редакциях (подчас даже в сходных выражениях) превозносится княжеская власть и возвеличивается фигура князя — всеобщего защитника и радателя. Однако между обеими редакциями имеются существенные качественные различия, делающие Моление Даниила Заточника или редакцию XIII в. памятником с иным идейным направлением, чем Слово Даниила Заточника или редакция XII в.

Еще О. Ф. Миллер, а вслед за ним Е. Модестов² сближали Слово Даниила Заточника с Поучением Владимира Мономаха. И действительно в редакции XII в. можно уловить то же разграничение князя от его приближенных — тиунов, которое энергично проводится в Поучении Владимира Мономаха, а до этого — в некрологе Всеволода Ярославича, при котором, по словам летописца, тиуны скрывали от народа „княжую правду“. Князь, согласно этой теории, является воплощением правды и порядка, но его приближенные, заслоня эту правду, скрывая ее, безобразничают и своевольничают. Поэтому князь не должен доверять своим тиунам; его обязанность — самому вникать во все дела, самому единолично возглавлять все управление. Только таким путем можно избежать „безнарядия“ в государстве, от которого, по выражению Даниила Заточника, „полци погибають“. Первая редакция содержит резкий выпад против тиунов, разоряющих и работающих народ: „Не имей себе двора близ царева двора и не дръжи села близ княжа села: тивун бо его аки огонь трепетицею накладен, и рядовичи его аки искры. Аще от огня устережешися, но от искор не можеши устеречися и сождения порт“.³ Предостережение это, вероятно, читалось еще в более древнем, чем первая редакция, архетипе Слова Даниила Заточника или заимствовано из источника, восходящего к XI в., когда шел энергичный процесс феодализации, и безжалостные тиуны жестоко обходились со свободным населением, имевшим несчастье оказаться по соседству с владениями князя.

Во второй редакции этого места уж нет: в XIII в. феодальные отношения пронизывали собой всю общественную жизнь, феодальные захваты свободных земель уже не производили прежнего ошеломляющего впечатления, и вопрос о них потерял свою злободневность. Зато в этой редакции появились новые мотивы, вызванные некоторыми переменами в среде самого феодального класса. Наряду с горожанами,

¹ Там же, стр. 55—56. — В Академическом списке этому месту соответствует следующее обращение: „Княже мой, господине! Яви ми зрак лица своего, яко глас твой сладок, и образ твой красен; мед истачають устне твои, и послание твое аки рай [с] плодом“ (там же, стр. 14).

² О. Ф. Миллер, ук. соч., стр. 377; Е. Модестов, ук. соч., стр. 184—185.

³ Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 20—21.

которые и в Галицко-Волынской Руси, и в Ростово-Суздальском крае, и в других местах поддерживали княжескую власть против крупных бояр-феодалов, к ней льнула и феодальная мелкота, дворяне,¹ находившиеся в непосредственной зависимости от князя и видевшие в нем свою надежную опору. В описываемое время крупные бояре-землевладельцы были заинтересованы в непрерывных феодальных раздорах, в результате которых они рассчитывали расширять и округлять свои владения. Мелкие феодалы, находившиеся в вассальной зависимости от крупных, не играли в этих раздорах самостоятельной роли, их обходили при дележе земельной добычи и, следовательно, они не могли проявлять такую же заинтересованность в феодальных драках, как крупные землевладельцы. Последние, кроме того, были достаточно сильны и обладали необходимой вооруженной силой, чтобы держать в повиновении крестьянство. Мелкие феодалы такими средствами не обладали и для обуздания эксплуатируемого населения нуждались в сильной государственной власти. Именно княжеская власть (по крайней мере, в идеале) могла обеспечить какой-то порядок и спокойствие в стране, все более необходимые членам так называемой „младшей дружины“ по мере того, как они обзаводились крестьянами.

С течением времени мелкие феодалы или дворяне выросли в большую политическую силу, составившую, в период образования Русского централизованного государства, прочную опору великокняжеской власти. В середине XVI в. Иван Пересветов выступил с целеустремленной, подробно разработанной программой государственного устройства, выражавшей интересы и настроения политически окрепшего дворянства. Эта программа была резко направлена против бояр — вельмож, которых Пересветов презрительно третировал как ленивцев, трусов и изменников. Он восставал против того, что бояре не по заслугам, пользуясь только знатностью своего рода, близко стоят к государю, и требовал, чтобы людей выдвигали не по знатности их происхождения, а по заслугам. Не на вельмож должен опираться государь, а на дворян — „воинников“, которых он должен любить и лелеять и в отношении которых Пересветов призывал его проявлять неистощимую щедрость. С этой точки зрения Пересветов ополчается против рабства, ибо холоп не заинтересован в том, чтобы добыть себе и князю своему чести. Разумеется, бояре не согласятся добровольно отказаться от своей власти, и одним из важнейших требований своей программы Пересветов выдвигает „грозу“, которая должна тяготеть над всем государством и в первую очередь обрушиться на нерадивых вельмож.

Если мы внимательно присмотримся к нашему памятнику, то в зародышевом виде найдем во второй редакции элементы дворянской про-

¹ Автор второй редакции Слова Даниила Заточника прямо причисляет себя к дворянам, которым, по его мнению, больше всего подобает пользоваться княжеской милостью, например: „Всякому дворянину имети честь и милость у князя“ (Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 68).

граммы Пересветова. В первой редакции не проводится принципиальной разницы между князем и его боярами. Бывает князь щедрый, бывает и скупой, точно так же и бояре делятся на щедрых и скупых. Если есть между ними какая-нибудь разница, то разве только в масштабах, и служить не зазорно ни тому, ни другому, был бы только господин добрый: „Доброму бо господину служа, дослужится слободы, а злу господину служа, дослужится большей роботы. Зане князь щедр, аки река, текуща без брегов сквози дубравы, напаяюще не токмо человеки, но и звери; а князь скуп, аки река в брезех, а брези камены: не лзи пити, ни коня напоити. А боярин щедр, аки кладяз сладок при пути напаяеть мимоходящих; а боярин скуп, аки кладязь слан“.¹ Во второй редакции уже проводится резкая грань между князем и боярином и, по мнению автора, лучше служить скупому князю, чем щедрому боярину. „Лучше бы ми нога своя, — пишет автор Моления, — видети в лыченицы в дому твоём, нежели в черлене сапозе в боярстем дворе; лучше бы ми в дерюзе служити тебе, нежели в багрянице в боярстем дворе“.² Он предпочитает пить воду в княжеском дворе, чем мед во дворе боярском, или принять испеченного воробья из рук князя, чем баранью лопатку „от государей злых“ (подразумеваются бояре).³ В первой редакции окружающие князя „думцы“ подразделяются на добрых и лихих; первые приносят пользу, а вторые — зло: „То не море топить корабли, но ветри; не огонь творить ражежение железу, но надымание мешное; тако же и князь не сам впадает в вещь, но думци вводятъ. З добрым бо думцею думая, князь высока стола добудеть, а с лихим думцею думая, меншего лишен будетъ“.⁴ Во второй редакции автор послания выступает против думцев вообще, независимо от того, добрые ли они или лихие, и выдвигает ставшую впоследствии, в XVI в., столь излюбленной идею о том, что князь сам должен владеть государством: „Не корабль топит человеки, но ветр; тако же и ты, княже, не сам владеши, в печал введут тя думцы твои“.⁵

Добиваясь службы у князя, Даниил Заточник не ссылается на знатность происхождения, которой он похвастать не может, а, напротив, в нескольких местах (второй редакции) подчеркивает, что он раб князя и сын рабы его. Как уже указывалось, эти слова не следует понимать буквально, и не только потому, что, будучи заимствованы из Псалтыри, они являлись ходячим литературным выражением, а еще и потому, что этими словами автор послания как бы

1 Там же, стр. 19, 20.

2 Там же, стр. 60.

3 Там же, стр. 61.

4 Там же, стр. 25, 26.

5 Там же, стр. 58. — Только в одном месте второй редакции говорится о том, что князь „умными бояры предо многими людьми честен . . . и по многим странам славен . . .“ (там же, стр. 59).

отмежевывался от спесивых вельмож, стремившихся захватить важные должности только в силу своей знатности. Даниил Заточник, добиваясь должности, выдвигал на первый план только свои личные достоинства — свою начитанность и разум. Автор послания признает даже, что он не очень храбр в бою, и его нельзя использовать как воина, зато он „в словесех крепок“ и может быть полезен князю своими советами.

Подчеркивая важное значение для князя разумных слуг, Даниил Заточник в то же время настойчиво советует князю привлекать к себе возможно больше храбрых слуг, или, как выразился бы Пересветов, — воинов. Такие советы мы находим и в первой редакции, где, между прочим, приводится известный библейский рассказ о похвальбе царя Иезекии перед послами вавилонскими,¹ но во второй редакции, где также повторяется рассказ об Иезекии, эти мысли проводятся гораздо более последовательно. Призывы к щедрости, довольно расплывчатые в первой редакции, во второй редакции определенно связаны с необходимостью привлекать со всех сторон возможно большее количество воинов. Очень показательным в этом отношении сопоставление одного и того же изречения, встречающегося в обеих редакциях:

Первая редакция

Яко же бо невод не удержит воды, точию едины рыбы, тако и ты, княже, не в[ъ]здержи злата, ни сребра, но раздавай людем.²

Вторая редакция

Яко же невод не удержит воды, но избирает множество рыб, тако и ты, княже наш, не держишь богатства, но раздаешь мужем сильным и совокупаешь храбрыя.³

В первой редакции князю преподается совет раздавать свое золото и серебро „людям“, но для какой цели — неизвестно. Судя по духу и содержанию первой редакции, речь тут идет об обычной милостыне, которую князь должен раздавать щедрой рукой. Не то во второй редакции: здесь (как впоследствии у Ивана Пересветова) княжеская щедрость направлена уже на определенную цель — на привлечение храбрых и сильных воинов,⁴ составляющих опору княжеской власти. Характерно, что во второй редакции говорится уже не просто о рыбе, удерживаемой неводом, а о множестве рыб, как бы подчеркивая этим

¹ „Яко же бо похвалися Езекий царь послом царя вавилонскаго и показа им множество злата и сребра; они же реша: наш царь богатей тебе не множеством злата, но множеством воя; зане мужи злата добудуть, а златом мужей [не] добыти“ (Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 17).

² Там же, стр. 16.

³ Там же, стр. 59.

⁴ Слово „сильным“ следует понимать в его буквальном значении. Если вслед за О. Ф. Миллером под „сильными“ подразумевать в данном случае вельмож, то это не будет согласовываться с общей идейной направленностью памятника: автор послания, враждебно настроенный по отношению к боярам, предпочитающий служить у князя в дерюге, чем в пурпурном платье у боярина, ни с того, ни с сего не стант предлагать князю раздавать богатство вельможам — боярам.

необходимость для князя собрать возможно больше воинов. Для этой цели автор Моления советует князю не ограничиваться собиранием слуг из своей области, а привлекать их из чужих „стран“ (т. е. областей): „Яко же бо ряз, збирая птенцы, не токмо своя, но и от чюжих гнезд приносит яйца. Воспоет, рече, ряз, созовет птенца, их же роди и их же не роди; тако и ты, княже, многи слуги совокупи, не токмо своя домочадца, но и от инех стран совокупи притекающая к тебе, ведуше твою обычную милость“.¹ Здесь вторая редакция памятника отражает сравнительно мало распространенное в XII в., но развившееся позднее в феодальном мире явление, а именно распространение власти сильного князя на „чужие“ области и переход к нему на службу чужих вассалов.

По мысли автора второй редакции, князь силен и грозен именно множеством воинов. О княжеской „грозе“ говорится и в первой редакции, там, где Даниил Заточник жалуется, что все его обижают, поскольку он не огражден „страхом грозы“ княжеской. Но здесь этот термин применен как синоним княжеской власти, и ничего не говорится о том, какая же сила придает этой власти характер „грозы“. Такую конкретизацию мы находим во второй редакции. „Орел птица царь над всеми птицами, — пишет автор Моления, — а осетр над рыбами, а лев над зверми, а ты, княже, над переславцы. Лев рыкнет, кто не устрашится; а ты, княже, речеши, кто не убоится. Яко же бо змий страшен свистанием своим, тако и ты, княже наш, грозен множеством вои“.²

Под этим углом следует рассмотреть и высказывания автора второй редакции о холопстве. В XVI в. Иван Пересветов требовал уничтожения рабства прежде всего потому, что холоп — дурной воин, не заинтересованный в том, чтобы отличиться в бою: „порабощенный бо человек срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или не силен, и речет так: однако есмь холоп, иного мне имени не прибудет“.³ Автор Моления Даниила Заточника также пишет о том, что как бы холоп ни был „горделив и буяв“, ему все равно не избыть позора, холопья имени.⁴

Приведенные наблюдения над текстом Слова Даниила Заточника дают нам основание характеризовать это произведение (во второй редакции) как памятник ранней дворянской публицистики, где в зача-

¹ Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 66—67.

² Там же, стр. 66 (разрядка моя. — И. Б.).

³ В. Ф. Р ж и г а. И. С. Пересветов, публицист XVI века. ЧОИДР, 1908, кн. 1, отд. II, стр. 75.

⁴ „Не лепо у свинии в нозрех рясы златы, тако на холопе порты дороги. Аще бо были котлу во ушью златы колца, но дну его не избыти черности и жжения; тако же и холопу: аще бо паче меры горделив был и буяв, но укору ему своего не избыти, холопья имени“ (Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 60, 61).

точной форме встречаются уже те требования дворянства, которые позднее, политически окрепнув, оно заявило полным голосом.

В связи с этим решается и вопрос о хронологической последовательности обеих редакций. В этом вопросе до сих пор нет ясности. Некоторые исследователи (П. А. Безсонов, Е. И. Модестов, П. П. Миндалев и др.) считают, что та редакция, которая в литературе условно называется Словом Даниила Заточника и приурочивается к XII в., действительно является первой редакцией, предшествующей так называемому Молению Даниила Заточника (вторая редакция), относящемуся к XIII в. Другие исследователи (Ф. И. Буслаев, А. И. Лященко, В. М. Гуссов, Н. К. Гудзий и др.) в вопросе о хронологическом первенстве обеих редакций отдают предпочтение Молению. Надо, однако, отметить, что представители и той и другой стороны руководствуются почти исключительно формальными соображениями: степенью конкретности материала, филологическим анализом текста обеих редакций, характером расширения или сокращения отдельных изречений, композиционным их распределением по Слову и Молению и т. д. Между тем для правильной датировки памятник следует прежде всего изучать с точки зрения его идейной направленности, отражающей общественные веяния определенного времени.

Рассматривая под этим углом обе редакции послания Даниила Заточника, приходишь к убеждению о хронологическом первенстве Слова. Проповедуя всеспасительность „милостыни“ и превознося „княжую правду“, Слово Даниила Заточника в первой редакции тесно связано с такими памятниками, как Повесть временных лет (или вошедший в ее состав „Начальный свод“) и Поучение Владимира Мономаха. Возникновение этой редакции естественно поэтому отнести к концу XI—нач. XII в. (с некоторыми последующими вставками, вроде заявления „князя Ростислава“ о Курском княжении). Моление Даниила Заточника (вторая редакция) возникло уже в других общественных условиях. Будучи по своему содержанию и идейной направленности памятником ранней дворянской публицистики, Моление в дошедшем до нас виде скорее всего возникло в тот период, когда дворянство начало уже чувствовать свою силу и значение, но не настолько еще выдвинулось на арену общественной жизни, чтобы выступить с хорошо разработанными и четко сформулированными политическими требованиями. Период этот падает на XIV в., т. е. как раз на то время, которое С. П. Обнорский, изучивший обе редакции со стороны их языка, признает приблизительной датой составления второй редакции.¹

¹ Надписание на обоих сохранившихся списках Моления (Чудовском и Ундольского) имени князя Ярослава Всеволодовича (как и упоминание в тексте князя — сына Всеволода и князя „над переславцы“) еще не означает, что Моление в дошедшей до нас редакции было составлено в первой половине XIII в. Какой-то список мог действительно быть приурочен к переяславскому князю Ярославу Всеволодовичу, но в окончательном виде, впитав в себя много „дворянских“ элементов, вторая редакция сложилась позднее.

Не настаивая на абсолютной точности этой датировки, можно все-таки констатировать, что Слово Даниила Заточника, возникшее еще в Киевской Руси, является памятником более ранним, чем Моление. Последнее было составлено уже в Суздальской, точнее даже в Московской Руси, и в нем впервые зазвучал голос молодого дворянства, выступившего с требованием сильной и грозной княжеской власти, опирающейся не на бояр, а на преданных своему государю „множество воев“.
